

Необычной и особенной слыла среди посадских девушка Татьяна. Кто знал и помнил – тот помалкивал, всего о ней не рассказывал. Сильно напугал тогда всех родных и близких открывшийся у неё дар. А началось все после смерти дедушки Порфирия.

Маленькая Таня любила играть с дедом: теревить его за бороду, ползать по плечам, слушать стариковские байки и получать от дедушки игрушки самоделки: то деревянного коника, а то и куклу-столбец.

– Вот тебе, Танча, куколка, – говорил ей дедушка, ставя перед ней пучок цветных тряпочек, перевитых вместе с лыковыми обрезками и перевязанных сверху так, что получалась круглая головка. Дедушка рисовал по головке углем глазки, продевал вичку – ручки: – Играй, внучка.

Дедушка был старенький, тяжелую работу ему выполнять не по силам, поэтому больше сидел на лавочке, ловил солнечные лучики и плел лапти да корзинки.

– А вот это тебе куколка – обережная. Ты ее не заиграй, храни в укромном месте.

Куколка та же, да не та же: в пучок тряпочек вплетены сухие веточки и сухие травинки, ручек у куколки нет, и глазки не нарисованы. Танечке играть с ней неинте-

ресно, она и убрала ее в «секретную» берестяную коробочку, как дедушка посоветовал.

Умер Порфирий тихо, никого не намаял, ночью уснул, а утром уже и не проснулся.

Через сорок дней снится Тане сон: будто бы дедушка вернулся, стоит на краю деревни, ее к себе манит и говорит: «Позови-ко, внученька, ко мне деда Аверьяна». Тут Танюша проснулась и матушке Василисе все как есть рассказала, мол сейчас виделась с дедушкой, он Аверьяна просил позвать. В тот же день, не доживя до заката, умер дед Аверьян.

Матушка забеспокоилась, рассказала о сем бабкам да теткам, те головами помотали, поохали, поахали и посоветовали последить за малой. Много ли мало ли дней прошло – не больше сорока. Снова снится девочке сон, снова она видит дедушку Порфирия, снова он ее к себе манит и говорит: «Позови-ко ко мне, внученька, Петра – кузнеца» – «Мама не велела мне с тобой, дедушка, разговаривать», – отвечает ему Таня. «А ты и не говори. Побегай домой» Девочка тут же проснулась и маме про свой новый сон рассказала.

– Ох ты, Господи! Царица небесная! – воскликнула матушка и трижды перекрестилась, – Спаси и сохрани!

Быстро собралась, платок на голову повязала и заспешила на край деревни, где жила большая семья Ивана Никифоровича, а старшим среди сыновей у кузнеца как раз и был Петр – ладный парень, завидный жених. Не успела... Издали еще увидела, несут с реки мужики бездыханное тело Петра-утопленника.

Стали думать-гадать, как деда Порфирия от Татьяны отвадить, и людей сберечь, и женихов не спугнуть. Парни пугливы – за версту огибать девушку станут, если пойдет за ней дурная слава, а известно – жена без мужа – вдовы хуже.

– Делать нечего, Василиса, надо к травнице Анисье идти. Только она и поможет.

Собрали туесок с яйцами, творогом да маслом и отправилась матушка за околицу, на выселки, где в избушке жила одиноко Анисья-травница. Знахарка как ждала, будто знала, какая нужда привела к ней Василису.

– Эта беда – не беда. Отвадим от девушки неупокойную душу Порфирия. Только от смертей-то в посаде это не избавит.

– Пусть так. Кому что на роду написано, так тому и быть, а заранее знать про то нам ни к чему.

– Вот что, матушка, – говорит ей Анисья, – сходи-ка ты за водой ключевой на лесной ручей. Тут неподалеку, тропинка укажет.

Василиса коромысло на плечи накинула, ведра деревянные подцепила и за водой пошла туда, куда ее знахарка направила. Над той водой Анисья потом ворожила, заговоры шептала и, что надо будет с этой водой делать, Василисе толком объяснила.

– Завтра, как Танечка проснется, пусть первым делом лицо свое трижды водой ополоснет. Всю

напасть как рукой снимет. А ты, Василиса, после в монастырь сходи, в храме перед иконой Богоматери свечку поставь. Не забудь.

Так и сделали. Как сказала знахарка, так все и случилось: перестал являться дед Порфирий, успокоилась душа.

Миновало несколько лет: для стариков – быстрых, для молодых – неспешных. Расцвела Татьяна: густые пшеничные волосы толстой косой до пояса лежат, светлолица, круглолица, соболиные брови серые омуты очей окружают, из глубины очей лучистый свет исходит, нежный румянец на щеках, алые губы что сказочный цветочек. Всем взяла. Парни на нее заглядываются, но спокойной скромностью и доброй рассудительностью Таня никому надежды не подает. Всею свое время.

* * *

На охоту Андрей привык ходить в одиночку – одному и надеяться не на кого, и винить, если что не так случится, будет некого. Шел не спеша вдоль кромки леса. Да с тяжелой амуницией особо не разбегаешься. Поднявшись по косогору, среди рыжих сосен заметил старый охотничий лабаз. Над головой, в бездонном синем небе, кружит ястреб, высматривая среди золотистого, местами помятого овсяного поля свою мелкую жертву. Застрекотала сорока – верный признак того, что где-то рядом лесной хозяин. А вот и заброды хозяина леса. Как раз к месту пришел.

Андрей заглядывался и совсем близко увидел сидящего медведя, собирающего лапами овес себе в пасть. Ветра со стороны охотника не было, и косола-

пый пока не учуял его. Медведь с чавканьем уплетал овес, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг. Охотник, пригнувшись, скрываясь за кустами, стал подходить ближе. Шорох каждой травинки казался ему громким шумом. Наконец, подойдя на расстояние, как ему показалось, достаточное для выстрела, Андрей осторожно выглянул из-за кустов и увидел беззаботно катающегося по овсу медведя. Он поставил упор для пищали, приготовил рожон, насыпал на полку и в запал пищали пороху, прицелился и нажал на спуск. От выстрела заложило уши. Раздался страшный звериный рык раненого медведя. Медведь встал на задние лапы, и Андрей только сейчас разглядел, какой он огромный. Увидев своего обидчика, перекатываясь всеми своими мощами, медведь прыжками, понесся на него. Охотник хладнокровно выставил навстречу несущемуся зверю крепкую рогатину-рожон с острым железным наконечником посередине. Конец крепкого шеста – рожна уперт в камень. Зверь со всего маху налетел на рожон и заревел от предсмертной боли. Андрей, не выпуская из руки рогатины, смотрел в глаза и оскалившуюся пасть умирающего медведя. Из последних сил зверь легко махнул лапой в сторону охотника. Андрей не успел увернуться, и из глубоких рваных ран на плече и руке потекла алая кровь, насыщая собой суконную ткань рукава. Наконец медведь рухнул на землю. Андрей, как сумел, перемотал себе руку, наломал веток и забросал ими медвежью тушу от голодных хищных птиц. Взяв с собой только ружье, отправился за помощью к людям.

Татьяна с подружками собирала малину на закрае леса. Где-то далеко ухнул выстрел. Редко можно было услышать такое в здешних краях. Девушки не испугались, наверно, снова ратники с Кириллова монастыря на охоту вышли. Не секрет, недавно прибыли они для усиления обороны монастыря – вот и балуются охотой. Ягода малина сама шла в руки, стоило только прикоснуться к ней пальчиками, как ягоды отрывались от корешка и падали в туеса. Девушки собирали малину и пели веселую песню о себе.

Во сыром бору сосенка
Зеленешенька срубленная,
Много, много
на сосенке ветвей,
Много, много
на кудрявой ветвей,
Вдвое, втрое отросточков.
Много, много
у Татьяны подруг,
Много, много у Арины подруг,
Вдвое, втрое
у Глафиры друзей!

Девушки громко рассмеялись...

Андрей вышел из леса на девичьи голоса. От испуга, увидев парня с ружьем, подружки дружно вскрикнули.

– Девицы-красавицы, не пугайтесь. Помогите неудачнику охотнику с бедой справиться. – он обессиленно сел на пенек, положил рядом ружье.

– Да у тебя вся рука в крови!

– Косолапый постарался. Девушки, сходите за мужиками, надо тушу медвежью с овсов вынести... – только успел сказать, и тут же без сознания повалился навзничь с пенька.

– Подружки-сестрички, – по-старшинству распорядилась Татьяна, – ты беги в деревню, мужиков зови, а ты к Анисье-травнице. Тут неподалеку. А я здесь с ним останусь, вас ждать буду.

Девушки не торопятся, за головы схватились и со страхом смотрят на лежащего в траве охотника. Татьяне пришлось даже прикрикнуть на них, чтоб наказ быстрее исполнять стали.

Оставшись одна, она первым делом постаралась раненую руку от одежды освободить, глубокие борозды от медвежьих когтей на плече и руке ключевой водой промыть. «Целы ли хоть кости?» – подумала она.

Молодой парень лежал на спине, запрокинув голову. Чистое, красивое лицо его было бледным и печальным, густые русые волосы разметались по траве. У Татьяны подкатил ком к горлу, ей безудержно стало жаль раненого охотника. Она не смогла справиться с нахлынувшим чувством и, путая в кудрявых волосах свои тонкие пальцы, стала гладить его по голове, приговаривая.

– Ничего, потерпи, сейчас Анисья подойдет, поставим тебя на ноги.

Знахарка не заставила себя долго ждать, не заплуталась подружка – привела ее к самому месту.

С тех самых пор, как травница Анисья избавила Татьяну от плохих снов-предсказаний, больше не встречалась с девушкой. Поначалу даже не признала в красавице ту босоногую девчонку. Посмотрела на нее, потом на парня раненого, снова на Татьяну взглянула и будто что-то свое поняла.

– Хорошо, что раны промыла, – похвалила она девушку. – А теперь помогай мне, да смотри, не бойся.

Знахарка раны мазью обработала, достала иглу с льняной нитью и самые глубокие раны зашила – как заштопала.

– Теперь ему покой нужен да уход.

Тут и мужики деревенские подошли.

Анисья-травница еще раз как-то по-особому глянула на Татьяну и велела мужикам нести раненого в дом к девушке.

– За ним уход нужен, а у Татьяны в избе все условия. Да и девушка она сметливая и заботливая. Справится. – А потом, уж только ей сказала: – Сегодня зайти ко мне, я отвар приготовлю. Будешь поить им раненого три раза в день.

Так и сделали. Бессознательно охотника занесли в отчий дом Татьяны, уложили на душистый соломенный.

Очнулся Андрей на следующий день. Открыл глаза и сразу промелькнула мысль: «Ангел?!» Над ним склонилось девичье, милое, как у ангелочка, личико. Девушка приподняла его голову и сказала ангельским голоском.

– Выпей вот это. Тебе поможет, – и она поднесла к его губам деревянный ковшик, полный темной жидкости. Из рук такой красавицы Андрей готов был выпить что угодно.

Так и начиналось. Так изо дня в день она и возвращала юношу к жизни. Однажды в один из первых таких дней Татьяна сказала матушке.

– Мне снова стали сниться сны. Василиса охнула, трижды перекрестилась.

– Господь с тобой. Снова дед Порфирий приходиться стал?

– Нет. Дедушка больше не являлся. Мне не такие сны снятся, как раньше. И не сны вовсе, а сновидения. Обычно перед рас-

светом это случается. Вроде, как и сна уже нет, а есть видения. Люди разные незнакомые видятся, слова и речи их явно слышатся, города и посады, мне до сель не известные.

– А с тобой, Таня, в твоих видениях никто не говорил? Ни о чем тебя не просил?

– Нет. Будто со стороны я все это вижу. Будто бы картинки рассматриваю.

– Ну и слава Богу! Это не страшно, это просто сновидения, – матушка вдруг взглянула на нее с любопытством: – Да уж не влюбилась ли ты, доченька, часом?

Танино лицо наивно порозовело, она невнятно ответила матери и перевела разговор на другую тему.

Андрей быстро шел на поправку, но не спешил вставать на ноги.

В монастыре уже знали, что с ним и где он, тревожить не стали, хозяев поблагодарили за заботу, а ему пожелали восстанавливать былую богатырскую силушку.

Все его мысли теперь были только о встречах с посадской девушкой и о необычных разговорах с Татьяной. На третий раз, после приема из рук девушки живительного зелья, Андрей осмелел, дотронулся ее руки и робко попросил:

– Останься со мной ненадолго. Расскажи про вашу семью, за чье здоровье мне в храме свечку ставить?

– Обычная семья, как и все здесь земледельцы-христиане. Родители и братья сейчас в поле работают, да и у меня невпроворот дел накопилось.

– Останься.

– Матушка сердиться будет.

– Не будет. Посиди еще немного, поговори со мной. Про жизнь посадскую расскажи.

– Жизнь обыденная – как об один день течет.

– Так уж ничего интересного и не случается?

– Каждый прожитый день интересен, только рассказывать об нем нечего. А вот, если хочешь, я тебе сон свой расскажу.

– Будь так добра.

– Только он путаный немного. С одного на другое перескакивает.

– Как есть Расскажи.

– Вот, снится мне большой монастырь. Подобный нашему, святого Кирилла Белозерского. Может, и поболее будет. Стоит тот монастырь среди оврагов и гор, стены высокие, неприступные, с башнями и глубоким рвом вокруг. И вот будто бы стены монастыря враги штурмом взять захотели. Жители окрестных посадов и слобод сами зажгли свои дома, чтобы враг в них не мог основаться, и поспешили под защиту монастыря-крепости.

– Уж не о Сергиевой ли Лавре ты рассказываешь?

– Да, наверно, о ней. Мне еще старец монах виделся. Запомнились слова его, самому царю и боярам говорил: «Если будет взята обитель Преподобного Сергия, то погибнет весь предел Российский до окиана-моря, и царствующему граду настанет конечная теснота».

– Это ты самого московского патриарха Ермогена во сне слышала. Царь тогда прислушался к нему. Выделил в помощь осажденным шестьдесят ратников и стрельцов, дал и пороху двадцать пудов. А что еще тебе во сне привиделось?

– Видела, как в сражениях гибли люди, а еще больше от мора и голода. Видела, как в одну могилу клали по тридцать, сорок

тел. Но монастырь все равно не сдавался, сдерживал осаду. Ляхи и изменники царю и церкви православной не раз с лестницами и стенобитными орудиями штурмом взяли стены монастырские хотели. Видела, как вместе с оружными ратниками и монахами на стенах монастыря стояли женщины с камнями, смолой и серою. Защитники стреляли из пушек и ружей, кололи из отверстий, лили вар, ослепляли врагов известью, отбивали от стен лестницы и тараны. Злодеи поняли, что просто так приступом Лавру не взять, решили подкоп делать под стеной и взорвать ее.

– Сапу, – поправил ее Андрей, – подкоп сапой называется. Ляхи хотели тихой сапой подкрасться под стены монастыря.

Татьяна с благодарностью кивнула ему и продолжила свой рассказ.

– Осажденные тоже сделали, для вылазок, ход под землей. Нападали на неприятеля, хватили языков, допрашивали их и, наконец, узнали место вражеского подкопа. Видела, как за три часа до рассвета воеводы с ратниками, стрельцами и монахами вышли из монастыря-крепости. А когда мгла рассеялась вступили в жестокую схватку с ляхами и козаками. Выгнали их из укреплений, нашли минный подкоп-сапу и взорвали его.

– А еще в том видении что произошло?

– Видела тебя, – ответила девушка, и густая краска залила ее лицо, – видела, как ты сражался с неприятелем в том бою.

– Да, было дело. Теперь вот сюда нас послали, защищать от разбойников монастырь кирилловский.

В другой раз Татьяна рассказала Андрею еще про один сон-видение, еще про одну осаду. Только роли в той осаде поменялись местами: в Кремле-крепости осажденными были уже не русские, а поляки.

– Видела и слышала, как ляхи со стены московского Кремля бранились и насмехались. Они, мол, никогда не сдадутся торговцу из мясной лавки Кузьме Минину, а князя Дмитрия Пожарского послали в церковь к монахам. Уж когда последний кусок хлеба ими был съеден, видела кошмар нечеловеческий. Сначала они съели в Кремле всех кошек и крыс, питались кореньями и травой, варили пергаментные рукописи и древние книги, а потом... – видно было, что Татьяне трудно говорить, – потом они стали пожирать друг друга. Я не выдержала и от ужаса проснулась.

Девушка, будто ища защиты, глянула в глаза Андрея, но увидела, что он где-то далеко-далеко, в том времени, вместе с ополчением, у кремлевских стен, в Москве.

– На помощь к осажденным шел со своим двенадцатитысячным войском гетман литовский Ян Ходкевич, – своими воспоминаниями о прожитом и пережитом Андрей будто продолжил рассказывать сон Татьяны, – они везли для осажденных четыреста телег с провиантом. Видать долго собирались в Кремле заседать. Следовало опередить их, и князь Пожарский выслал к Москве конный отряд князя Василия Туренина, а сам вместе с ополчением Минина к Москве подошел в конце августа. Заняли позиции, соорудили несколько острогов со рвами. Только успели, тут и неприятель подошел. У Ходкевича с учетом пол-

ков, засевших за стенами Кремля и Китай-города, было свыше пятнадцати тысяч воинов, а у князя Пожарского и Кузьмы Минина в два раза меньше. Ходкевич, не раздумывая, с рассвета сразу же начал прорываться к Кремлю. Сражение началось с боя конницы на Девичьем поле. Бой длился семь часов, и только благодаря атаке казачьего атамана Афанасия Коломны, дружин Романова, Можанова и Козлова натиск Ходкевича удалось отбить. Гетман приказал отступить. В другой день Ходкевич нанес удар через Замоскворечье, а так как казаки князя Трубецкого покинули поле битвы, гетману удалось подойти к Кремлю совсем близко. Уже под самый вечер ополчение Минина да три резервные конные сотни и отряд ротмистра Хмелевского переправились через Москва-реку и атаковали вражеский заслон. Поляки бежали. Ополченцы перешли в общую контратаку, но князь предусмотрительно приказал прекратить преследование дабы не попасть в ловушку. Гетман Ходкевич простоял на Воробьевых горах и с великим срамом бежал из Москвы, а обоз с провиантом для «кремлевских сидельцев» стал нашим трофеем. Ратники Трубецкого объединились с войском Минина и Пожарского, и такую армию уже не под силу стало кому-либо победить. В ноябре штурмом взяли Китай-город, а четвертого, в Казанскую, кремлевский гарнизон сложил оружие и сдался. Князь Дмитрий Пожарский первым вступил в город, неся икону Казанской Божьей Матери.

– А ты, Андрей?

– Я тогда был стрельцом в ополчении у Кузьмы Минина.

Пришло время Андрею покидать гостеприимный дом, расстаться с любимившейся посадской девушкой Татьяной и возвращаться в ряды ополченцев Кириллова монастыря. Разлука убивает несерьезные отношения, а настоящие чувства только усиливает. Молодые хотя бы на час, хотя бы на минутку всячески старались свидеться друг с другом. Отец и матушка Татьяны вот-вот ждали сватов и, наконец, дождались. Сватать Андрея в посад прибыл сам воевода Владимир Буславев и стрельцы, дружки Андреевы, будущие шаферы на свадьбе. Воевода был небольшого роста, широкоплечий, с каменным, мускулистым телом и жилистыми руками, черты лица правильные, если не брать в расчет нос «картошкой», тихие и мягкие, в минуты душевного спокойствия, темно-голубые глаза легко загорались гневом при малейшем неисполнении его приказов. Зная традиции сватовства, воевода трижды постучал в дверь, громко известил о своем прибытии, взялся рукой за голбец – печной столб, и как положено сказал:

– Здравия желаем, хозяева дорогие. Примите от нас хлеб-соль.

Стрельцы вынесли на рушнике большой каравай хлеба.

– Хлеб-соль берем, а вас пировать зовем, – отвечал отец семейства.

После первой принятой из рук Татьяны чарки воевода приступил к «торгу».

– У вас товар, а у нас купец. У нас грядка, а у вас цветочек. Нельзя ли цветочку поселиться на нашей грядке?

– Был бы купец, а товар есть. Для такого купца, удалого молодца наш цветочек хоть куда.

Родители после долгого застолья дали согласие, определились с приданым и со сроками свадьбы.

Татьяна прощалась с прошлой жизнью, перебирала сундуки с приданым, примеряла свадебный костюм: белую льняную рубашу с широкими рукавами, праздничный красный сарафан с расшитым узорочьем, передник, на котором она сама лично вышивала из красных нитей орнамент со скрытым тайным смыслом, подпоясалась длинным поясом, посмотрела на себя и порадовалась. А вот и берестяная шкатулка на глаза попала, а в ней все ее детские тайны: невеста откуда взявшиеся черепки от фарфоровых тарелок, пуговицы и бусинки, беззубый деревянный гребень и заколка с выпавшим камнем самоцветом, тут и «обережная» куколка от бабушки Порфирия нашлась.

Напраслину наговаривали на бабушку, мол был он злым колдуном, мол из-за него погиб молодой Петр-кузнец, мол и еще потом многих других из посада к себе дед Порфирий увел. Не был он колдуном, накликающим беду, а, наоборот, предсказывал ее, помогал избавиться от беды, если получится. Бабушка и сам добрый был, и Танюшу добру учил. «Надо по жизни доброй быть, – говорил он внучке. – Недобрый человек завистлив, зависть его сушит, на ум только злокозненные мысли приходят, а добротой мир держится. Миром и посады строятся». Татьяна повертела в руке куколку «обережную»: тряпочки на ней выцвели, травинки высохли, лыковые полоски растрескались. Она собралась уж было отложить куколку в горку подготовленных на выброс ненужных вещей, но передумала, вернула ее обратно в

шкатулку, где теперь лежали уже не детские игрушки, а невестино кольцо, бусы, серебряные серьги, подаренные старшими братьями, костяной гребень и заколки с переливчатыми камнями.

За неделю до назначенного дня встревоженная Татьяна повела матушке Василисе свой новый сон.

– Уходить всем нам надо из посада, уходить под защиту Кириллова монастыря.

– Что случилось?

– Видела, как злодеи – разбойники на посад наш напали. Разорили дома, надругались над людьми.

– Поверят ли люди-то тебе, Таня? Уж пять лет, как от самозванцев избавились, пять лет, как новый царь Михаил Романов, Русью правит. Да и не время сейчас, у всех забот полон рот.

– Матушка, говорю тебе, не просто сон мне такой приснился. Провидение это было, а не сон. И слова я слышала. – Татьяна не сказала матушке о том, что это голос бабушки Порфирия был. – Сказано: «Уходить надо всем из посада под защиту стен монастыря святого Кирилла».

– Может, туда сердечко твое рвется, к милому Андрею?

– Матушка! – обиделась девушка-невеста. – Причем здесь это? Я вот как тебя сейчас вижу, видела их всех. На конях и пешие, в обноскох и в грязи, с ружьями и пушками, ляхи и козаки в нашу сторону идут. Командует ими какой-то особенный поляк, что-то его манит в наши края. Не в первый раз он уже приходит сюда воевать и грабить. Вот как тебя вижу, так и его нерусское лицо разглядела и запомнила. Кичливый, хитрый, с злыми глазами и усами на пол-лица...

Пан полковник Мсцислав Песецкий был офицером показным. Статный, высокомерный, с густыми, буйно разметанными, черными как смоль волосами на голове, с правильными, почти сходявшимися бровями и умными холодными глазами. На вид ему было лет сорок. Подбородок и щеки у него всегда были тщательно выбриты, а рот закрывался густыми усищами, спускавшимися от уголков губ длинными концами до края нижней челюсти. К своей форменной одежде Песецкий относился бережливо и трепетно, и хотя в долгих походах по Руси суконная венгерка со шнурками поизносилась, но со стороны по-прежнему выглядела как новенькая.

До пана полковника доходили сведения о роптании в войсках. Поговаривали: – Мало ли польской, литовской и козацкой шляхтецкой крови пролито? Довольно уже с москалями цепляться, пора бы уже и назад по хатам воротаться.

– Скажи, враже, як пан скаже! – невольно вслух произнес полковник Песецкий любимую поговорку, имея в виду то ли своих подчиненных, то ли упертых русских, засевших в монастыре как кость в горле. Никак не получается выкурить их оттуда. Эх, были бы у него пушки! Хотя бы пехотные единогоги и камнеметы, а если бы оказалась здесь исполинская пушка «Трещера», которую к Сергиеву Посаду на семидесяти лошадей-тяжеловозах тащили, то монастырь этот треснул бы как семечко подсолнуха. Но ведь здесь недаром говорят: «Сам черт искал сюда семь дней дорогу и так и сгинул

по пути», о каких пушках можно мечтать... Пан Мсцислав нахмурил брови и осадил себя: «Хватит хандрить! Не для этого он послан сюда католической церковью с секретной миссией. Никто не должен знать, ради чего они здесь, зачем он гробит своих людей под монастырскими стенами и почему он не может уйти отсюда «несолоно хлебавши». Пся крив! Уже и русские пословицы применять стал».

– Матка Боска Ченстоховска! – пан Мсцислав перекрестился, будто отмахнулся от назойливого комара. – Матерь Божья, помоги мне в этот раз одолеть русских дикарей. Не ради славы и наград, не щадя живота своего, бьюсь я с варварами, но только ради процветания католической церкви и исполняя наказ и волю Его святейшества папы Павла-5.

Полковник еще раз бегло перекрестился, и сами собой нахлынули воспоминания о судьбоносной встрече, произошедшей в Варшаве в доме его дядюшки Кази.

Магнат Казимир Песецкий, оставив после ранений военную службу, обосновался с семьей в провинциальном городе, занялся коммерцией и быстро пошел в гору. Открыл в городе отделение центрального банка, выстроил в центре Варшавы большой каменный дом и совсем не ожидал, что столица Польши из Кракова будет перенесена королем Сигизмундом -3 в Варшаву. Предстоял сейм и торжества официального провозглашения Варшавы новой столицей Речи Посполитой. Все постоянные дворы и доходные дома были переполнены, и пан Казимир любезно предоставил свой кров посланнику Ватикана кардиналу Симонетти.

Как сейчас помнит Мсцислав дядюшкины хоромы с узкими окнами-бойницами облицованными глыбами горного гранита, с устланными на полу медвежьими шкурами, а на стенах трофейное оружие доблестного рода Песецких: кривой янычарский ятаган рядом с русскими палицами и бердышами, кольчуги соседствуют с мажарскими щитами, татарский колчан и лук с запорожскими пиками и клинками. Богатый дом.

Нунций Симонетти восседал возле теплящегося камина в тронном кресле хозяина дома. В отблесках трепещущегося каминного огня лиловая изящная кардинальская ряса играла всеми цветами радуги. На руках папского легата, в перстнях, искрами посверкивали драгоценные камни.

— Мой племянник, молодой офицер, — представил нунцию дядя Казимир тогда еще майора Мсцислава. — Он, как никто другой способен на рыцарский подвиг. Мало кто из Песецких умер дома на своей перине. Наш род — род воинов! Во славу Всевышнего Песецкие клали свои головы на полях сражений.

Нунций легким жестом руки остановил словоохотливого дядюшку.

— Ватикану не нужны напрасные жертвы. Все мы в руках Божьих, и каждый по мере сил своих исполняет волю его.

Казимир Песецкий, потупив голову, скромно отошел в сторону, предоставив кардиналу лицом к лицу вести важный разговор с молодым офицером.

— Ваш король Сигизмунд оказывает неоценимую услугу Ватикану, пытаясь соединить русскую церковь с польским костелом, привести сидящих во тьме моско-

витян в лоно римской католической церкви. Мы возлагали большие надежды на армию и на самозванца Гришку Отрепьева — Лже-царевича Дмитрия. Но, увы, надежды Папы Павла-5 не оправдались. Лично мне всегда казалось, что вряд ли получится что-нибудь путное из всей этой затеи с Гришкой и его женитьбой на Марине Мнишек. Москвитяне — народ гордый, им важно, где, кто и как первым шапку снимет, на каком месте посажен будет, кто как посмотрел и с какой интонацией сказал. Могут ли они согласиться, чтоб их царство прилепилось к польскому королевству? Нет. Они скорее Польшу к Московии захотят, как рукав к кафтану, приставить.

Речь папского нунция удивляла и пугала своей откровенностью.

— Да поможет нам Святой Отец и Дева Мария, — нунций перекрестился, вдогонку ему перекрестились Песецкие, — да поможет Всевышний королевичу Владиславу в третьем походе на Московию занять престол и привести в лоно римско-католической церкви заблудшие души русичей.

Все вместе еще раз перекрестились.

— Амен! — нунций Симонетти, глядя в глаза офицеру Песецкому, доверительно плел нить разговора. — Сегодня у меня назначена аудиенция с королем Сигизмундом, и я замолвлю слово о присвоении вам очередного звания — звания полковника. Ваш дядя уверил меня, что вы, и только вы, сможете выполнить тайную миссию Его святейшества папы Павла-5. Он поручил мне найти в Польше верного рыцаря церкви для свершения подвига, равного подвигам рыцарей «Круглого стола». Вам так же, как и им, предстоит найти

и вернуть христианские святыни, обманом доставшиеся Руси.

– Чашу Грааля? – удивился Мсцислав.

– Нет! – резко оборвал его посланник Ватикана, не привыкший к тому, чтобы его перебивали. – Нет, не «Чашу Грааля», но ценность этих вещей, что были вывезены в Московию, для римской церкви так же значимы, как и Иисусова чаша.

Кардинал Симонетти замолчал и, повернувшись в сторону камина, вытянул, к огню свои сухие желтые руки с блестящими на длинных пальцах бриллиантами и сапфирами. Пауза затянулась.

– Слышал ли когда-нибудь полковник Мсцислав о Великой московской княгине Софье? – наконец заговорил нунций. – Не отвечайте, не надо. К тому же звали ее вовсе не Софьей, а Зоей Фомичной Палеологини. И была она племянницей последнего императора Византии Константина-9, погибшего от рук турок-османов при защите Константинополя. Зою после падения Византийской империи вместе с братьями вывезли в Рим, и она воспитывалась при дворе папы Сикста-4.

Заметив вопросительный взгляд в глазах Мсцислава, папский нунций пояснил.

– Да, именно так. Папа Сикст-4 заказал выполнить в Ватикане чудо Сикстинской капеллы. Папа был большим покровителем искусств. Но сейчас речь не о нем. Еще при папе Павле-2 была предложена идея усиления влияния католической церкви на Русь за счет свадьбы Софии Палеолог и Великого князя московитов Ивана-3. Неблагодарная греческая царевна обманула приютившую ее римско-католическую церковь и в

Московии вернулась к своей прежней православной греческой вере. В Россию она вывезла с собой многие латинские церковные ценности, и по нашим сведениям сейчас кое-что из этих ценностей находится на русском севере, в монастыре Кирилла Белозерского. Мне доподлинно известно, что там хранится образ Богородицы, исполненный апостолом Лукой, а также древние греческие и латинские книги и картина «Виноград» греческого живописца Зевксиса, которую очень желает заполучить в Капитолий наш папа Павел-5.

Мсцислав Песецкий понял, какой рыцарский подвиг ему поручают совершить.

– Ватикан интересуют только книги, иконы и картина Зевксиса. Со всем остальным, что найдете в монастыре, можете распоряжаться по своему усмотрению.

«По своему усмотрению...» – вспомнил слова нунция полковник Песецкий. «Еще бы подобраться к этим ценностям. Шестой раз он делает попытку взять приступом стены монастыря. Шестой раз его лихие кавалеристы натываются на каменный дроб – пушечную русскую картечь. Эх, были бы у него такие пушки...»

* * *

В непроглядной ночной темноте, лесной невидной тропой скакал сам по себе конь белый. «...И се конь бел и на нем всадник имеющий лук и дан ему был венец и изыде побеждай и да победишь», – всю дорогу, как заклинание, шёпотом повторял чернец Акимка откровение от Иоанна. Он полностью доверился монастырскому коню Бояну, коня понукать не надо – и без посторонней помощи найдет дорогу к дому.

Невеселые вести вез монах, облаченный в черную рясу и черную скуфию на голове. Потому и не заметен был, потому и казалось, что во тьме конь совсем один скачет – без наездника. Только-только забрезжил рассвет, и Боян, как раз ко времени, принес чернеца к родным дубовым монастырским воротинам.

– Открывай! – не слезая с коня, застучал кулаком Аким по мощным дверным тесинам.

Его узнали и сразу пропустили за ограду.

В храме шла утренняя литургия.

– Игумен? – тихо спросил Аким у молящегося рядом монаха. Ответом ему служил мягкий кивок головы.

Литургию вел сам игумен Матфей, настоятель Кириллова монастыря. Аким отстоял литургию, напряженно отсчитывая минуты до конца службы, а после причастия игумен позвал его к себе в келью.

В просторной игуменской келье светло и чисто, вдоль стен широкие лавки для братии, стены увешаны иконами, перед каждой лампадка с горящей капелькой огонька. Пахнет воском и конопляным маслом. Посреди – стол, покрытый парчовой скатертью, за ним игумен Матфей. Непростые годы управления монастырем наложили свой отпечаток на черты лица игумена. Старческий благоговейный облик игумена с густой, в пол-лица, бородой с проседью, с ниспадающими двумя «водопадами» волосами, сочетался с молодыми, умными, решительно смотрящими на мир, глубоко посаженными глазами, с широким, почти без морщин, светлым лбом и прямым античным носом.

– Говори, что узнал, хорошие ли, худые вести принес.

– Отче, спешно надо готовить монахов, стельцов и пушкарей к обороне. Думал уж не поспеем сегодня, да Бог миловал, задержались где-то в пути окаянные.

– Сколько их? Ляхи? Козаки?

– И ляхи с литовцами, и козаки, и немцы. Много – тыща, а то и две, точно неведомо.

– Пушки есть.

– С пушками у них худо. Пушкари, слава Богу, косорукие оказались, три пушки разорвало, только пара легких пехотных гаубиц и осталась. Зато ландскнехтов с мушкетонами страсть как много.

Игумен Матфей поднялся из-за стола, перебирая четки, подошел к слюдяному, с железными переплетами оконцу. Легкий ветерок пересчитывал листву на березе. Возле трапезной два монаха рубили дрова. От складского амбара мужики на плечах таскали к хлебопекарне мешки с мукой. Посадские бабы, ищущие защиты за монастырскими стенами, склонившись над грядками, работали на огороде. Тишина и покой.

Почему-то вспомнился рассказ архиепископа вологодского Сильвестра: «Все делалось хмелем: пропили город Вологду воеводы». Читал в двенадцатом году игумен Матфей грамоту Сильвестрову к вновь избранному царю о том, как разорители православной веры пришли на Вологду, город взяли, людей посекали, церкви Божьи поругали, города и посады выжгли.

«Не получится такое с монастырем святого Кирилла. Зубы обломают. А до сокровищницы царевны Софьи, что в сундуках под землей хранится, им и во веки веков не добратся».

– Отче, – прервал его думы разведчик-монах, – что им надобно-то от нас? Уж погуляли вдоволь, пограбили, полихолетствовали. Что они отстать никак не хотят?

– Можно, брат Аким, и города, и посады до тла пожечь, но люди их вновь отстроят, – поучал игумен монаха. – Можно людей посечь, но народы новые народятся, а если веру выжечь, душа в людях иссякнет – во чужом хлеву баранье стадо случится. Много ли в монастыре драгоценностей? Может, каждому злодею роскошествовать до конца жизни хватит? Нет, не хватит. Нет в монастыре столько серебра и золота, и камней дорогих. Да и не за тем они сюда шли. Другое богатство искали – всю Русь православную захватить. Потому и сжигали в первую очередь церковные православные книги: Требники, Триоди Цветная и Постная, молитвословы. Окатоличить Святую Русь, Папе в ноги положить – вот их главная цель.

– Не зря в народе-то говорят: «Хан крымский и Папа римский многие беды Руси принесли», – согласно закивал монах.

– А теперь иди, после трапезы вели собираться братии, будем совет держать, как монастырь защитить. У меня еще дела есть. Иди.

Чернец, смиренно склонив голову, удалился.

Первое, что сделал игумен, не откладывая на потом, записал в летописи сообщение от разведчика монаха.

«...лета 1618 от Р. Х. польско-литовские разбойники и немецкие ландскнехты, и воровские черкасы в шестый раз стали лагерем у стен монастыря святого Кирилла. Неминуемо быть еще одной кровавой сече...»

«Завтра, может, придется всем умирать в битвах, но сегодня должно успеть засеять семя, чтобы оно дало всходы жизни», – подумал игумен собираясь идти в храм исполнять требу.

* * *

Перед обрядом венчания, накануне, Андрей и Татьяна исповедовались и причастились. Венчание проходило в приделе храма. Игумен Матфей читал епетимию и молитву: «...и оставит человек отца и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут двое в единой плоти». Трижды игумен произнес при обручении заветные слова: «Обручается раба Божья Татьяна рабу божьему Андрею» и надел на безымянный палец обручальное кольцо. Трижды произнес эти слова при венчании: «Венчается раба Божья Татьяна рабу Божьему Андрею». Тяжелые золотые венцы на головах молодых сверкали в лучах нисходящего дневного света. Игумен соединил руки молодоженов прикрыл их епитрахилью и трижды провел их вокруг аналоя, повторяя «Во имя Отца и Сына, и святого Духа. Аминь». Теперь они и перед Богом и людьми – муж и жена.

Следующий день должен был стать днем испытания на прочность силы воли и духа защитников монастыря Кирилла Белозерского.

Молодых не будили спозаранку, не тревожили их сладкий сон, но Андрей и без побудки проснулся в свой привычный час. Боясь пошевелиться, он молча любовался на спящую Татьяну. Вот, наконец, у нее дрогнули ресницы, раскрылись и снова закрылись глаза, она вздохнула глубоко и уже окон-

чательно открылись ее омуты-очи. Она улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

– Утро доброе, моя женушка. Как спалось?

– Доброе утро, мой суженый. Спалось, как заново рожденной.

– Не снились ли тебе снова твои видения? Может, ты видела исход предстоящей битвы?

– Нет, – виновато ответила Татьяна. – Не видела ничего – ни одного сна, ни одного видения. Впервые, за долгое время, как уснула – так и проснулась.

– Ну и ладно, пусть так. Вот прогоним лихоимцев, сразу буду просить воеводу, чтобы он отпустил меня из ополчения. Увезу тебя на родину в Вологду. Построим свой дом и будем жить не хуже других.

Андрей поцеловал Татьяну, и под тревожный колокольный звон, стал собираться к общему построению ратников, стрельцов и пушкарей.

* * *

Одним днем завершилась битва у монастырских стен. С рассветом в лагере польского войска протрубили зорю, в ответ со стороны монастыря-крепости, предвещая начало кровавой сечи, послышался тревожный звон колоколов. ... Пушки, кашляя огнем, сотрясались чугунным грохотом. Шляхетская казацкая конница разящими ударами врывается на позиции русских войск и, порубав сабельками, быстро устремляется назад, спасаясь от выстрелов из пищалей стрельцов с «гуляй-поля». А тут и крылатые гвардейские польские гусары налетели, как вороны, на перезаряжающих орудия пушкарей, побили их и захватили пушки.

На помощь устремилась конница стреляющих «черных всадников» – рейтаров. Вместе со стрельцами они не позволили увести пушки в польский лагерь. Пороховой туман густо клубится над головами сражающихся. Пехота, вдохновленная кавалерийскими контрударами, бросается с криками «Ура!» в атаку. Режет слух перезвон холодного оружия. Кажется, дрогнули негибаемые полки польско-литовских воинов, и в это время их командир, полковник Мсцислав Песецкий, предпринимает новую атаку летучих гусар.

Андрей не ожидал, что в прицеле его пищали окажется главный лях. Недолго думая, нажал на спусковой курок. Выстрел смешался с общим гулом битвы: с пушечным громом, с криками, с топотом, с сабельным лязгом, с выстрелами из пищалей и мушкетов. Выстрела он почти не расслышал, зато увидел: с коня как ветром смело пестрого всадника. Командирский конь неуверенно проскакал ещё несколько метров, таща за собой запутавшееся в стремени тело. К коню примчались несколько всадников, подняли с земли своего полководца и ускакали с ним в сторону лагеря. В это время, пока Андрей перезаряжал пищаль, к нему подлетел «бескрылый» крылатый гусар и полоснул саблей около шеи. Стрелец развернулся и рухнул на землю в рыжую от крови траву.

Потеряв своего командира, армия рассыпалась на злобные, огрызающиеся шайки, спасающие свои шкуры. Сражение закончилось победой. В шестой раз неприступные стены монастыря Кирилла Белозерского выдержали натиск ненавистных врагов.

Не слышно больше ни выстрелов, ни звона металла, только стоны раненых на бранном поле и бабий плач над телами убитых. Монахи собирают с земли точно хворост еще годное к использованию оружие. Бабы, не разбирая, поляк ли перед ними лежит, литовец ли, казак или русский, свой или чужой, всем, кто подавал признаки жизни, оказывали помощь. Татьяна искала Андрея. Спешила. Издалека высматривала лица павших воинов: «Не он. И этот не он». Переворачивала к свету головы уткнувшихся лицом в землю остывших тел. И вот, наконец,

увидела, нашла: «Он! Андрюша!». Андрей лежал, как тогда, в первую их встречу. Темное от спекшейся крови и грязи лицо его застыло будто маска. Татьяна, словно орлица защищающая своего птенца, упала возле него, обхватила голову, прижалась к груди. Губы Андрея зашевелились, и он едва слышно произнес.

– Ангел мой...

* * *

В год 1618 от Рождества Христова закончилась на Руси великая Смута.

* * *

Ой, по полю, по балкам, по спускам
Ходит память и плачет по-русски.
Ходит память землёю горящей,
Долю во поле ищет незряче.
Не тужи, не ходи круг за кругом,
Не зови убиенного друга -
Стало поле полынью-травой,
Стала девица чёрной вдовою.
Где ты, долюшка, где ты, какая?
Ходят дети, отцов окликают.
Ходит дождик по ярови синей,
По России, по всей по России.

